«Каникулы» Анны Кузнецовой как аллегория свободы мыслить

Автор рецензии: Казаченко Яна Сергеевна

От бушующего ветра Сочи, куда отправляются герои «Каникул», хочется укрыться: он наполнен необоснованным страхом, стереотипами, и в первую очередь консерватизмом, в котором стабильность – не оплот мировоззрения, а жёсткая рамка, отсекающая всё живое. В то время, как сам фильм, больше года боровшийся за прокатное удостоверение, получил не только пропуск в кинотеатры, но и гран-при кинофестиваля «Маяк». Так, «Каникулы» становятся антиподом собственного «Земляничного вина» (аналог всеизвестного «Вина из одуванчиков» Рэя Брэдбери).

«Не мешай, взрослые говорят о взрослых вещах» – отгоняет назойливого ученика Мария Генриховна в исполнение прекрасной Полины Кутеповой. Только в «Каникулах» понятие «взрослости» тяжело возвести в ранг положительного. С детьми едут трое: в начале скованная бюрократичностью завуч; инфантильная, но не утратившая вкус к жизни, руководитель школьного театра Таня и истероидная Оксана. Словно три альтернативных пути развития или же подражания для юных героев: система, свобода и отравляющее своеволие.

У фильма практически нет «промежуточных сцен», схема действующих мест такова: аэропорт – фестиваль, наполненный различными локациями, – аэропорт. Мы видим их путь лишь в самом конце, когда Таня трогается вместо с автобусом под обличающее «Конфетти». Всё остальное – жизнь в срезе, и эта жизнь дышит вместе с главными героями, пока руководство фестиваля пытается смягчить классику. Ироничен контраст. *«Нас просто интересуют другие темы совсем. Суицид, наркотики, отношения. Вы Эйфорию смотрели?»* – заявляет Аня Новикова, чьи губы оказались слишком солёными, для любимого мальчика. *«У нас всё-таки детский фестиваль и есть ограничения, которые накладывает формат. Темы алкоголя, табакокурения, наркомании – это всё табуированные темы»* – просит заменить слово «вино» представитель организационного комитета фестиваля.

В то же время «Земляничное вино», – позже насильно ставшее «Земляничным нектаром», – само по себе квинтэссенция подростковых проблем, ощущения уходящего детства, где «вино» – лишь символ лета, которое возможно сохранить в бутылке и пронести сквозь оставшуюся жизнь. Таня ставит неидеальный спектакль, – с не вывощенными детьми-актёрами, которые им горят, – при этом явно не противоречащий воспитательной функции системы образования, но даже это – «чересчур». Обличает позицию комиссии и нарочитое *«Театр должен быть ярким»* на спектакль-слепок советского «Питера Пэна», а столь же принудительное переделывание афиши с минималистичного кувшина на аляповатый сюжет «девочка с воздушным змеем» ставит все точки над «i».

Но у любой системы есть антипод. Так образуется неожиданный тандем: строгая Мария Генриховна, которая в начале явно выступает «за» систему как таковую и свободолюбивая Таня, тянущаяся к новому примеру для подражания. Их миры постоянно переплетаются: здесь и армянская свадьба, – далеко не первая на жизненном пути Марии Генриховны, и акт свободы во имя другого – выпускание дорогих устриц в море, и совместная борьба за право спектакля на существование в первозданном виде.

Первый раз лёд трогается, когда Мария замечает уже успевшую надоесть Таню и бунтующую школьницу Аню, самозабвенно танцующих под «Star Shopping» вместо ответа на звонок. Но вместо предполагаемого раздражения она лишь улыбается и по всей видимости подхватывает «вирус свободы». Хотелось бы более явно увидеть момент перехода Марии Генриховны от внутреннего консерватизма до борьбы с ограничениями, ведь есть ощущение, что она мгновенно меняет полюс (девочка не полетит на фестиваль, хоть это и моя вина, что ввела неверные данные при покупке билета) на противоположный (необходимо во всём поддержать ребят, ведь этот спектакль так много для них значит).

Подчёркивает контраст и визуальный ряд: герои курят дважды за фильм, первый – на фоне стены, напоминающей колючую проволоку над защищёнными объектами, второй – напрямую на фоне проволоки, благо не колючей. Сцена армянской свадьбы снята особенно интересно: резкий монтаж местами создаёт

ощущение погружения в воду, когда мир на мгновение колышется, а после камера точно уносит в водоворот танцев, перемещая зрителя ближе к героям. Нежные и притягательные виды Сочи, моря и природы сглаживают острые углы всех перипетий театрального фестиваля, отчего фильм не воспринимается «в лоб». Лишь одна сцена показана напрямик – конечный пир жюри и победителей, что смотрится слегка оторвано от остальной части «Каникул», полностью выстроенных на полутонах и подтекстах.

Примечательно, что композитор у фильма отсутствует, и вся музыка была подобрана лично режиссёром Анной Кузнецовой. По мере развития фильма за героями следует песня «Август», напоминая об их молодости и открытости к совершению ошибок, которые не ломают жизнь, а помогают научиться ей. Так восхитительный детский ансамбль, которому веришь от первой до последней минуты, проходит путь от подросткового бунта, готовности разрушить дружбу из-за недоразумений и открытого буллинга до сплочения и готовности подставить плечо.

Но любые каникулы заканчиваются. Даже те, где обретаешь себя. Одна из ярчайших сцен фильма, – ключевой монолог «Земляничного вина». Его зритель слышал на протяжение всей картины: в сцене репетиций, выступления, словах самой Тани. При этом, видя лишь одну сцену спектакля, можно сделать выводы о её творческом методе: главный герой работает с залом на контрасте с активной массовкой. И вот, театральный кружок закрывается, проигранный фестиваль подходит к концу, и Таня вновь говорит детям о том, что воспоминания не отнять на протяжение всей жизни, а они, конечно же, ей верят, бросаясь в тёплые объятья. Только Мария Генриховна, снова немного чужая и к вечеру охладевшая, стоит поодаль.

В конце фильма она же садится за руль, чтобы совладать с эмоциями, но даже это не помогает: такой же свободной, как Таня, она больше не будет. Мария вновь часть системы. Таня же перенимает часть статность от нового взрослого ориентира, но движется вперёд. Каникулы заканчиваются, а жизнь продолжается. Автобус трогается.